

Сов. Куньшурра.
8 XII 1956

В новом спектакле Московского Художественного театра «Забывший друг» вол-

ПЛОДОТВОРНЫЕ ПОИСКИ

натуры своего героя так, чтобы это сразу поняли окружающие. Семен Янушкин дер-

жут и, очевидно, надолго запомнятся второй и третий акты. Именно в этих двух актах появляется на сцене Терентий Захарович Гуськов — человек, выпущенный по амнистии из тюрьмы и приехавший к своему фронтovому товарищу, чтобы выяснить, как на самом деле складывались обстоятельства, имевшие для него, Гуськова, столь роковые последствия. Истину он выясняет, но она предстает перед ним в столь чудовищном виде, что сердце Гуськова не выдерживает. Он умирает.

Есть круг вопросов и герои в современной советской литературе (и драматургии в частности), которые вызывают к себе особое внимание. Мы говорим о людях с трудно сложившейся, подчас трагической судьбой и о стремлении писателя найти и показать причины, эту судьбу породившие. Вряд ли кому-нибудь не ясно, почему именно такие люди и такие проблемы надолго оказались вне поля зрения нашего искусства. Но если задуматься над тем, вызван ли обоюдный — и читателей, и художников — интерес к этим темам только

нити сюжета, связывающие их, настолько непрочны, что могут быть разорваны почти без ущерба для пьесы.

Откуда же эта двойственность? Нам думается, что объяснение следует искать не только в личных устремлениях Салынского. Не менее важную роль сыграли здесь вещи общего порядка.

Ведь если присмотреться чуть внимательнее, то нетрудно убедиться, что Григорий Карпов — фигура, типичная для многих и многих пьес, получивших в свое время широкое признание и распространение. По существу, Карпов — не индивидуальный характер, а эталон, выдвинутый в качестве образца положительного героя в драматургии. Задумав своего Карпова как лицо положительное, выдвинув его в качестве образца, автор, естественно, хотел укрупнить характер. Но сделал он это не за счет умственных душевных качеств героя; укрупнение шло по другой линии. Карпов — не только знатный кузнец и депутат Верховного Совета. Он и литератор, и ездит за границу передавать свой опыт. Кроме того, он человек, не поддающийся никаким мирским соблазнам.

Заявка — именно заявка, так как обо всех положительных качествах Григория Карпова мы узнаем в начале первого акта, — многообещающая. Естественно, что такой герой должен был бы придать пьесе и глубину, и философскую значимость, наконец, в силу своих выдающихся особенностей просто запомниться зрителю. Но увы! Ничего подобного не происходит. Более того, по мере развития спектакля мы убеждаемся, что король-то голый! Встретившись в жизни с событием, потребовавшим от него чуткости, мужества, ума и решительных поступков, Карпов спасовал, умыл руки, отошел в сторону.

Но может быть, именно по такой показ героя и входил в намерения Салынского? Ведь он назвал пьесу «Забывший друг» и, очевидно, не только на Янушкина — прямого виновника несчастий Гуськова, но и на других его фронтовых товарищей хотел возложить часть вины за трагическую судьбу капитана? Такой поворот темы оправдал бы бездействие Карпова. Но тогда многое в пьесе и постановке должно было звучать иначе. Да, и хороший, честный, принципиальный человек может на какое-то время стать эгоистом, забыть о других, заняться устройством своего счастья. Но если это приводит к катастрофе, тем ужаснее будет сознание его вины перед товарищем, перед самим собой, тем шире, значимее, граждански смелее станет тема произведения. Поверившись так события «Забывшего друга», у нас не было бы оснований говорить, что образ Карпова — дань старому, что он принадлежит к тому типу «положительных» героев, которые не вступают в жизненную борьбу, боясь потерять в ней свою респектабельность.

И автор, и театр не могли не видеть, не чувствовать малой весомости своего положительного героя, узковизности его идейных позиций. Салынский переработал пьесу. Если сравнить первый вариант «Забывшего друга» (журнал «Театр» № 11 за 1955 год) и его сценическую редакцию, нельзя не заметить принципиальных изменений, внесенных в финал. Поначалу в нем начисто исчезала тема Гуськова. Он умирает в третьем акте, и в четвертом всем было не до него: устраивали свою личную судьбу оставшиеся в живых. Теперь небо для них не так безоблачно. Для них — это в первую очередь для Карпова. Ему стыдно за себя, и он, наконец, берется за гражданскую миссию, вготовленную ему с самого начала его высоким званием депутата: он считает своим долгом восстановить доброе имя Терентия Гуськова. Однако все его обеща-

ния произносятся под занавес и носят, к сожалению, декларативный характер.

Мы не можем не заметить усилий писателя, его стремления дать иной, более драматичный ход мыслям Карпова, его настроениям. Однако попытки писателя пропадают почти даром. Слишком устойчив и прочен штамп, лежащий в основе образа. Эта дурная устойчивость наложила свой отпечаток и на работу режиссера и актера. Более того, постановщик спектакля В. Белокуров и М. Зимин, исполнитель роли Карпова, словно нарочно подчеркивают все ее недостатки. М. Зимин застыл в своей непогрешимости, и его олимпийское спокойствие выглядит особенно нелепым, когда на сцене появляется П. Чернов — капитан Терентий Гуськов. И здесь нельзя не отдать должное той страстности и внутренней заинтересованности, с которой решается в спектакле его тема. Создатели спектакля не могли не почувствовать этой сильной стороны пьесы, и в лице артиста П. Чернова роль капитана нашла великолепного исполнителя. Сказалось вдруг все, чем так сильно подлинное искусство: и правда мелочей, и широта обобщения, и неожиданность художнических открытий.

Вспомните только, как появляется Гуськов на даче Янушкина — человека, которому он добровольно отдал восемь лет жизни и о предательстве которого теперь уже начал догадываться. Не судьей, не обвинителем входит он в этот дом. Его вера в людей, в светлое фронтовое братство так велика, что, увидев своего бывшего однополчанина, он испытывает лишь радость да легкое чувство, неловкости за свои подозрения. Мучительно трудно задавать ему прямые вопросы, выяснять ту истину, ради которой он, собственно, и приехал сюда. И эта внутренняя застенчивость, это безусловное уважение к Человеку, всегда отличающее людей честных и великодушных, говорят нам о Гуськове бесконечно много и красноречиво. И все в нем — от его нераздельной любви до того отчаяния и горя, в которое он впадает, убедившись в предательстве Янушкина, становится нам понятным и близким. Предательство это ранит его сильнее, чем потерянные годы, — ведь все это время Терентия Гуськова утешала мысль, что он страдает не напрасно.

Мы намеренно остановили свое внимание только на двух образах пьесы и на двух актерах, занятых в спектакле. С нашей точки зрения, эти образы и эти актеры наиболее полно воплотили в себе и сильные, и слабые стороны постановки, ее двойственность.

Эта двойственность и в работе режиссуры. Трудно поверить, что одним человеком — В. Белокуровым решен и первый акт с назойливым и любовным звучанием музыки, с пустой и неоправданной паузой в конце его, и сцена во втором, где встретившиеся однополчане поют песню, из которой не хочется упустить ни такта. Трудно поверить, что один и тот же человек принимал все эскизы А. Васильева: трафаретную, безликую комнату Карпова и боковуху в доме Янушкиных — через открытую дверь ее видна густо заставленная гостиница, особенно выразительно подчеркивающая голые стены места, где суждено умереть Терентию Гуськову...

По-разному играют в спектакле и актеры. И дело даже не в том, что одни хороши, а другим роль удалась меньше. Дело в самом решении образов. Мы ясно ощущаем мысль, владеющую П. Черновым. А вот Янушкин — В. Муравьев. Много выражено им очень точно, прежде всего чувство неуверенности, которое владеет героем. Совершив подлость, Янушкин нутром чувствует, что рано или поздно надо будет расплачиваться за нее, и ждет расплаты. В. Муравьев передает это ощущение тоскливого беспокойства, страха самыми неожиданными средствами. Он вовсе не стремится сыграть двойственность

жизни занятым работником, неунывающим тружеником, радушным хозяином: ему удается обмануть всех, но не себя. Оттого у этого бывшего майора вдруг проступает в лице что-то жалкое.

Актер убедителен, его несомненная даровитость явно чувствуется. И все же роль не завершена. Почему? Разгадка приходит в сцене саморазоблачения Янушкина. Муравьев неожиданно срывается в ней на истерику — берется на вооружение самые близлежащие, но далеко не самые нужные средства. Пусть не поймут нас превратно: мы не ждали, что на месте Семена Янушкина вдруг появится человек большего, чем он, масштаба. Но своя определенная и страшная философия у Янушкина есть. В спектакле же ее не очень чувствуешь, и это снижает весомость образа. И уже не удивляет перемена, которая произошла с образом Елены — жены Янушкина. Актриса Т. Ленникова играет далеко не ту женщину, которую написал автор. Его Елена уже душевно надломлена, ей нужно собрать все свои силы, чтобы уйти от мужа. Ее поступок закономерен, но тем не менее дается ей с трудом. Красивая, цветущая, абсолютна уверенная в себе героиня Ленниковой — почему так долго терпит она около себя Янушкина? Житетский это, может быть, и понятно — ребенок, привычка, но где же тогда желание А. Салынского показать, что общение с Янушкиным калечит людей, даже тех, кого он впрямую не предает, больше того, любит.

Однако эта тема не пропадает в спектакле. Л. Харитонов не просто хорошо играет Гошку, семнадцатилетнего брата Янушкина, но и точно определяет место своего героя во всем происходящем и сознательно, безоговорочно становится на сторону Гуськова. Сделать это ему не просто, лишь смерть капитана окончательно формирует его характер. Но мы все время ощущаем то стремление разобраться в жизни, найти в ней правильную дорогу, которое сквозит в бесшабашности, дерзости и ребячливости Гошки — Л. Харитонova. Определение своего пути — та идея, которая владеет Н. Гуляевой, исполнительницей роли Шурика Янушкина. Ценно ясное понимание гражданских задач спектакля, его идейных устремлений, которые проявили совсем молодые актеры МХАТ.

В одном ряду с ними стоят, вернее, должны были стоять, по мысли автора, и другие — журналист Баскаков, агроном Осмоловский, Тамара, Наташа. Все эти люди безукоризненно честны, смелы, но... не написаны. И актеры не смогли одушевить схемы.

«Забывший друг» — один из немногих мхатовских спектаклей на современную тему. Далеко не все в нем удачно, но, право же, легче пережить отдельные неудачи, неизбежные в поисках, нежели вовсе не предпринимать их. Поиски, если они идут в верном направлении.

Сцена из спектакля «Забывший друг». Янушкин — В. Муравьев (слева), Терентий Гуськов — П. Чернов. Фото А. ТРОШИНА.

их большой запретностью, хочется ответить отрицательно. Не только постановка острей проблемы, выбор острого сюжета служат критерием гражданской честности художника, — тут еще большую роль играет точка зрения писателя, мера глубины, с которой он подходит к изображаемому событию. Что же с этих позиций представляют собой пьеса А. Салынского и спектакль Московского Художественного театра?

И пьеса, и спектакль очень неровны. Но, несмотря на это, идея автора и позиция театра кажутся нам принципиально верными. А Салынский берет сложную жизненную ситуацию, но не старается «обиграть» самую ее сложность. Интерес его в ином. Его волнует та нравственная сила, которая живет в советском человеке и позволяет ему в самые трудные минуты держаться честно и мужественно. Он борется — и театр всячески поддерживает его в этой борьбе — за подлинное внимание к человеку. Пусть на пути лежат трудности, но только тот может считать себя честным кто не побойлся их. Такова нравственная идея «Забывшего друга». Она реализована, как мы уже сказали, неровно. По существу, есть две пьесы и два спектакля. В одном из них герой Терентий Гуськов, сыгранный П. Черновым, и все, что относится к его образу, кажется нам значительным, художественно зрелищным и необходимым. Главным действующим лицом другого является Григорий Карпов — знатный кузнец, депутат Верховного Совета. Однако, несмотря на такую масштабную заявку, ни автору, ни актеру М. Зиминому удалось создать характера индивидуального и сколько-нибудь глубокого. Так и сосуществуют в одной постановке эти разнородные, по-разному написанные люди. Их внутренняя необходимость друг другу очевидна. Даже

231